
Российско–Армянский (Славянский)
университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

Главный редактор: *д. филос.н., проф. К. А. Мирумян*

Редакционная коллегия:

Аветисян С.С., д. юр. н.; Котанджян Г.С., д. пол. н.; Мелконян А.А., д. ист. н., член-корреспондент НАН РА.; Ованесян С.Г., д. филос. н., проф.; Суварян Ю.М., д. эк. н., член-корреспондент НАН РА.; Саркисян О.Л., к. филос. н., доцент (отв. секретарь); Берберян А.С., д. ис. н., доцент; Сандоян Э.М., д. эк. н.; Хачикян А.Я., д. фил. н.

(9)

Издательство РАУ

№ 1/2010

Редакционно-издательский совет «Вестник» РАУ

Председатель РИС «Вестник» РАУ – ректор РАУ, член-корреспондент НАН РА *Дарбинян А.Р.*

Заместитель председателя РИС «Вестник» РАУ – проректор по научной работе РАУ, д.филос.н. *Аветисян П.С.*

Состав РИС «Вестник» РАУ:

Амбарцумян С. А., академик НАН РА; *Бархударян В. Б.*, академик НАН РА; *Григорян А. П.*, академик НАН РА; *Казарян Э. М.*, академик НАН РА; *Талалян А. А.*, академик НАН РА; *Суварян Ю. М.*, член-корреспондент НАН РА, д.экон.н., проф.; *Мирумян К. А.*, д.филос.н., проф.

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В АРМЕНИИ (XIX – XX вв.)

Аствацатуров С. В., Баблоян А. Г.

Исследование проблемы возникновения, проявления, функционирования и урегулирования исторических форм социально-экономических конфликтов в Армении, предполагая использование возможностей социологического изучения (в том числе историко-сравнительного метода), а также интерпретацию результатов анализа полученных социологических данных, нуждается, на наш взгляд, в уточнении методологической специфики подобного исследования. В основе такой специфики лежит допущение о возможности объединения нижеследующих обстоятельств: во-первых, речь идет о влиянии национального фактора на явления, события и процессы социально-исторического прошлого армянского народа; во-вторых, суть подхода состоит в особом ключе к анализу социально-экономических конфликтов. Рассмотрим каждый из этих пунктов в отдельности.

Несмотря на то, что задачи исследования социально-экономических конфликтов и форм их проявления в Армении не затрагивают напрямую проблематику этнической самобытности, становления, самосохранения и национального единства армянского народа, тем не менее их анализ, на наш взгляд, следует осуществить с учетом детерминированности тех или иных историко-социальных событий национальным фактором и, в частности, такой переменной, как наличие или отсутствие государственности и политической самостоятельности. В этом смысле особенно интересен подход некоторых армянских теоретиков, и прежде всего проф. К.Мирумьяна, отмечающих ограниченность возможностей социологического метода в деле анализа исторического прошлого государств и народов, которые на протяжении многих веков были лишены политической самостоятельности, в результате чего исторические события и процессы предопределялись скорее национально-историческим фактором, нежели общественно-историческим¹. Поэтому при историко-сравнительном анализе необходимо различать периоды наличия и отсутствия государственности в Армении, так как национальный фактор в некотором смысле может изменить содержание и формы проявления экономико-конфликтных процессов.

Второй аспект, будучи дополнением к первому, касается разработанных нами методологических основ исследования форм проявления социально-экономических конфликтов, которым соответствует их рассмотрение не только как атрибута и проявления экономических отношений, но и как системы, в рамках которой последние приобретают различные формы проявлений, как в экономической, так и политической, социально-трудовой, организационно-административной, социо-культурной, этнической и прочих сферах жизнедеятельности общества на различных (микро-, мезо-, макро-) уров-

---

нях протекания социальных процессов². Такой характеристике форм проявления социально-экономических конфликтов соответствуют методологические принципы их исследования, а типология этих форм подводит к возможности выявления и изучения доминантных форм проявления социально-экономических конфликтов на различных этапах исторического и экономического развития армянского общества. Доминантные же формы проявления социально-экономических конфликтов определяют общие основы протекания всех других экономико-конфликтных процессов.

Таким образом, в качестве основополагающего принципа социологического изучения форм проявления социально-экономических конфликтов в Армении нами используется принцип методологического двуединства, позволяющий исследовать эволюцию доминантных форм проявления экономико-конфликтных процессов, их детерминант, выделить специфические факторы замедления или обострения конкретных конфликтных процессов, и особенности их урегулирования в армянском обществе с выделением трех исторических периодов: средневекового, досоветского и советского обществ. При этом обозначенные факторы определены спецификой системы социально-экономических отношений, социальной структурой общества и социально-культурными моделями взаимодействия субъектов.

В контексте вышеизложенного весьма интересным следует считать средневековый период. Представляется, что если в средневековой Армении в условиях наличия относительной политической самостоятельности (Айраратское царство, правление Арташесидов, Аршакуни, Багратуни, Киликийское государство) социально-экономические конфликты и формы их проявления существовали в чистом виде, как подсистема самостоятельного социального организма – армянского общества, то в периоды римского, византийского, персидского, арабского владычества формы проявления и механизмы урегулирования социально-экономических конфликтов могут анализироваться лишь с учетом их погруженности в чуждую социальную среду.

Социологическое и конфликтологическое изучение исторических материалов (включая использование методов традиционного анализа документов и экспертного опроса) позволяет представить фактическое множество экономических столкновений, которые проявлялись в форме открытого политического и экономического противостояния, вбирая в себя действия насильственного и ненасильственного характера в континууме от физического уничтожения противника до принятия законов и постановлений по урегулированию экономических отношений и использование неформальных механизмов смягчения конфликтов. В связи с угрозой потери национальной самобытности и политической независимости острота конфликтных отношений спадала, и уровень сотрудничества и социальной солидарности сильно увеличивался, так как нахарарская (феодалная) организация и армянская церковь брали на себя функции поддержания национального единства и сплоченности армянского народа. В иных условиях экономические конфликты между церковью и нахарарами (крупными феодалами) проявлялись в ярких формах конфронтационного поведения сторон. Кроме того, значимыми следует считать конфликтные отношения между духовенством, нахарарами и сектантскими общинами (и, прежде всего, павликианским движением) в V–IX веках, а также проявляющиеся на мезоуровне социальной системы армянского общества конфликты и

способы их урегулирования в Армении X–XIX-ого веков в сфере социально–трудовых отношений, касающихся простейших форм ремесленных и торговых организаций, называемых «амкарствами».

Следуя отмеченной логике, эволюцию форм проявления экономических конфликтов в досоветский и советский период можно представить, соответственно, конфликтными процессами в период с XVII века до начала XX в контексте исторического расчленения армянского общества между Западной и Восточной Арменией и социально–экономическими конфликтами в условиях существования Армянской ССР.

Анализ социально–экономического положения Западной Армении и особенностей проявления социально–экономических конфликтов проведен на основании изучения по большей мере армянских первоисточников, а также некоторых изданий, относящихся к описанию истории распада Османской Империи³. Мы отталкивались от фактов, указывающих на то, что, когда в конце XVIII начале XIX веков Османская Турция начала терять былую политическую и военную мощь, попадая в финансовую и экономическую ловушку, экономическое притеснение населения страны и преследование национальных меньшинств приобрели особенно явные формы⁴. Как известно, до 1860–ых годов христиане любой национальности в Турции не имели права выполнять какую–либо руководящую, высокооплачиваемую и престижную работу. Армяне, наряду с другими национальными меньшинствами, рассматривались как «гяуры» и подвергались политическому, экономическому и религиозному давлению⁵.

Изучение экономико–конфликтных отношений и доминантных форм проявления социально–экономических конфликтов того периода невозможно осуществить без характеристики и учета социально–экономической системы турецкого государства. Верховным сюзереном государства являлся султан, обладавший неограниченной властью как в области мирских вопросов, так и в области духовной жизни⁶.

Любой землевладелец являлся подчиненным воле султана и фактически нанимал у него землю, взамен обязуясь выплачивать налоги. Создавалась сложная кодифицированная система аграрных отношений, согласно которым земля султана могла использоваться в некоторых основных формах. Первая форма землевладения и самой земли называлась государственной (мирье). Владелец земель, кроме уплаты налогов, обязался выполнять службу при дворе султана, либо в его войсках. Мирье, таким образом, являлось своеобразной платой госслужащим, которые имели право собирать налоги с тех, кому в свою очередь сдавали землю. Среди мирье армяне были представлены малочисленной, однако достаточно весомой группой.

Вторая форма землевладения называлась вакуфной, владельцами которой являлись исламские и христианские священнослужители. Эчмиадзинские католикосы являлись вакуфами и имели огромные земельные владения, движимую и недвижимую собственность на территории Западной Армении⁷.

Две другие формы землевладения являлись частной формой пользования землей – мюлки. Армяне–владельцы мюлки были более многочисленны. Представители армянской общины занимали твердые позиции в сфере торговли, ремесел, посредничества и других прибыльных профессий. Однако западноармянский торгово–ростовщический капитал развивался в специфи-

---

ческих условиях Османской Турции и поэтому имел свои особенности. Часть этого капитала была поставлена на службу турецкому государству и высокопоставленным чиновникам. Ввиду того, что сами турки, соблюдая религиозные предписания, не занимались банковским делом и не давали деньги под проценты, эту важную экономическую функцию выполняли представители армянской и греческой общин Турции⁸.

Армянские общины Западной Армении были разбросаны по всем крупным десяти вилайетам или провинциям Турции, которые в свою очередь делились на более мелкие районы, подчинявшиеся как турецким, так и курдским правителям⁹. До 40-х годов XIX века западноармянской общиной руководили константинопольские богатые амиры, сарафы—банкиры, имея своим представителем в турецком правительстве константинопольского патриарха.

Потеря турецким государством былой военно—политической мощи привела к тому, что крупные турецкие и курдские феодалы на местах фактически становились независимыми правителями, которые своенравно распоряжались землями и другими экономическими ресурсами, проводили свою налоговую политику, никоим образом не взаимодействуя с верховным сюзереном. Государство оказалось не способным вновь взять под контроль столь обширные территории и донести свою власть до каждой провинции некогда могущественной империи.

В этом смысле экономико—конфликтные процессы в Западной Армении можно обозначить на трех векторах противостояния, выраженных соответствующими доминирующими формами проявления: а) вектор армяно—курдского противостояния, б) вектор армяно—турецкого противостояния в) вектор внутриобщинного противостояния.

В первом случае, экономико—конфликтные отношения проявлялись в форме сугубо экономических или аграрных конфликтов, касающихся передела бывших армянских территорий и иных материальных ресурсов. Экономическое противостояние между армянскими и курдскими землевладельцами, а также курдским и армянским крестьянством, чаще всего выливались в насильственные столкновения. Лишь в некоторых случаях представители армянской общины делали попытки обратиться к политическим рычагам урегулирования подобных конфликтов через лоббирование своих интересов и подкуп высокопоставленных турецких чиновников.

Наибольший интерес представляет вектор армяно—турецкого противостояния, изучение которого позволяет утверждать, что доминантная форма проявления экономико—конфликтных процессов между представителями армянской общины и турецкими правителями обнаружилась в становящемся национально—освободительном движении, постепенно перераставшем в форму политической борьбы. Постоянное экономическое преследование армян, как представителей чуждой и опасной культуры, происходило при отсутствии каких—либо гарантий безопасности как для крупных армянских предпринимателей, купцов и посредников, так и для мелких торговцев, крестьян и каждого армянина. В условиях отсутствия правил игры и явного дисбаланса сил социально—экономические конфликты вновь характеризовались взаимоотношающимися сотрудническими и конфронтационными действиями: прослойка богатых амиры была вынуждена сотрудничать с правительством, предпринимая в то же время некоторые попытки увеличить самостоятель-

---

ность собственной общины. Постоянное сдерживание экономико–конфликтных процессов, отсутствие каких–либо эффективных способов их урегулирования в плоскости сугубо экономических отношений, приводило к постепенной трансформации форм проявления экономических конфликтов и их переосмыслению и постановке в контексте национального вопроса сквозь призму возможностей его политического решения.

В этом смысле примечательно, что именно 70–90–ые годы XIX века принято считать периодом становления и расцвета национального самосознания и национально–освободительного движения в Западной Армении. Особый интерес представляют воззрения представителей либеральной буржуазии западноармянской общины в лице так называемых «мшакцев» (մշակախմբիւորյալն), раскрывающих в сущности национально–освободительной идеологии определенные формы социально–экономического противостояния. Известно, что газета «Мшак», редактором которой в этот период являлся выдающийся журналист и идеолог Григор Арцруни, достаточно полно освещала проблемы социально–экономического устройства Османской Империи, открыто призывая армян вступить на путь национально–освободительной борьбы.

По мнению Арцруни, турецкий феодализм являлся такой политико–экономической организацией, в которой разбой, беззакония, массовые убийства были закономерностью с лежащими в их основе объективными социально–политическими предпосылками. В этом смысле укрепление экономических позиций армян может быть «некой формой незаконных экономических отношений, которая своими корнями уходит в глубину государственной организации. Это – проблема длительного экономического противостояния, аграрной борьбы между крестьянином–землевладельцем и незаконным землевладельцем беком»¹⁰. Фактически, речь идет о необходимости развертывания национально–освободительного движения и политической борьбы, в том числе и как способа разрешения основных социально–экономических противоречий, назревших в обществе.

Причем, представители армянской либеральной мысли в качестве стороны конфликта видели не только армянскую общину. Реальной силой, способной вести вооруженную борьбу за освобождение Армении, считалось армянское крестьянство и ремесленники, которые в некотором смысле противопоставлялись армянскому феодализму или амирайству. Именно в этой плоскости высвечивается третий вектор экономического противостояния, обозначенный нами как внутриобщинный¹¹. Можно заключить, что формы проявления экономико–конфликтных процессов в Западной Армении выходили за рамки национально–освободительного движения, постепенно приобретая формы политического противостояния, в том числе внутри армянской общины, между представителями различных социальных страт.

В таком ключе можно трактовать также исторические процессы общественно–политической борьбы, развернувшиеся в Константинополе в связи с созданием армянского конституционного собрания¹². Как известно, средоточием власти западных армян являлось Константинопольское армянское патриаршество, где регулировались внутренние дела народа. Армянское население Константинополя было многочисленно и хорошо организовано, обладало достаточной экономической мощью, а константинопольская армянская церковь, имевшая право взимания церковного налога с христиан–армян,

---

представляла серьезную политико–экономическую силу¹³. В первые десятилетия XIX века, в связи с экономическими и социальными переменами в Османской империи, константинопольским армянам удалось добиться от османского правительства значительных политических уступок.

Так, в 1844 году неофициально, а в 1847 году особым ферманом правительство было вынуждено разрешить армянам избирать патриарха путем голосования и создать собрание депутатов. Уступив требованиям армянских ремесленников, Порта была вынуждена дать согласие учредить в Константинополе Армянское национальное собрание по принципу выбора депутатов как из числа амира и представителей духовенства, так и из иных социальных страт. Парламент включал два отдельных собрания – светское (20 делегатов) и духовное (14 делегатов). Половину представителей светского собрания составляли посланцы ремесленных союзов, с мнением которых были вынуждены считаться амира.

В 1860 году был принят программный документ, который далее был назван конституцией и вошел в армянскую историческую литературу как «западноармянская конституция»¹⁴. Несмотря на то, что достижение подобных уступок национальным меньшинством в составе османского государства несомненно являлось общественно–политическим событием исключительного исторического значения, назревавшие внутри западноармянской общины социально–экономические противоречия были настолько глубоки, что не нашли путей разрешения ни через демократические механизмы Национального собрания, ни в параграфах конституции. Вскоре стало очевидно, что амира и духовенство не были готовы к реальному вступлению ремесленных союзов в процесс принятия решений, многие стали игнорировать заседания собрания, а также принимаемые им акты.

Известно, что Национальное собрание начало пренебрегать правилами голосования. Кроме того, оно созывалось нерегулярно¹⁵. По существу, именно с неудачной попытки урегулировать финансовые дела и начались практические трудности в деятельности депутатов. После пленарного заседания, на котором проявилось упорное сопротивление антиконституционалистов правлению, в дальнейшем ни разу не удалось созвать всеобщее собрание с участием всех или большинства депутатов. Центральное управление пыталось как–то воздействовать на депутатов, систематически пропускавших заседания, но предпринятые меры не дали результатов¹⁶. Таким образом, формирование идеологии либерально–демократических воззрений внутри западноармянской общины, по сути дела, опередило создание необходимых социально–экономических предпосылок реализации подобного мировидения. Одновременно появилась новая плоскость проявления и урегулирования социально–экономических конфликтов – сфера политической деятельности, где социально–экономические конфликты начали принимать форму политических конфликтных процессов. Можно утверждать, что в данном случае перспективы национально–освободительного движения оказались подорваны именно в силу преобладания экономических противоречий и отсутствия возможностей их урегулирования.

Несмотря на это, следует вновь подчеркнуть чрезвычайную значимость национального фактора в истории армянского народа. Мы не склонны сводить глубокое содержание национально–освободительного движения армянс-

---

кого народа к сугубо экономическим детерминантам, нас скорее интересуют те отдельные его составляющие, которые предопределялись социально–экономическими предпосылками, и выступали в конкретных исторических условиях как формы, позволяющие экономико–конфликтным процессам проявляться и получать альтернативные пути урегулирования.

В смысле значимости такого консолидирующего фактора, коим являлось отсутствие государственности и нескрываемое стремление армянского народа к независимости, примечательны сведения, касающиеся самостоятельных армянских княжеств (հշխախախտութիւնի), сохранявшихся в Западной Армении и Киликии до 30–ых годов XIX века. Здесь эффективное функционирование налаженных механизмов урегулирования экономических споров сдерживало диффузию экономико–конфликтных процессов и их проникновение в политическую сферу жизнедеятельности общества. Среди таковых особый интерес представляют Сасунское и Зейтунское княжества, описываемые как княжества с демократическим уклоном¹⁷.

Известно, что княжество Зейтуна управлялось в начале двумя, а затем четырьмя княжескими семьями (Սուրբհայնց, Յաղարայններ, Եփրատնյաններ, Շափրայններ). Княжеские фамилии обладали передающимися по наследству правами, однако на пост правителей избирались народом. Наряду с правящими князьями, в принятии основных решений участвовал специальный совет старейшин, а также архиепископ и священники. Все экономические споры разрешались легитимными для членов общины советами, которые по сути дела представлялись как альтернативный турецкому правосудию способ урегулирования конфликтов, как примитивная форма нейтрального посредничества. Высокий уровень групповой сплоченности, отсутствие глубоких социально–политических разногласий, революционных настроений внутри армянских общин отмечаются в многочисленных источниках, касающихся Зейтунского и Сасунского княжеств¹⁸. Это лишний раз позволяет увидеть суть экономико–конфликтных процессов как разновидности социальных процессов, предопределяемых особенностями социально–политической системы общества. Фактически, в контексте относительной независимости и отличной от османского способа правления социально–экономической структуры армянских общин, экономические различия между представителями социальных групп сглаживались, внутригрупповая интеграция повышалась, сотрудничество формы урегулирования социально–экономических отношений становились наиболее распространенными.

Определенный интерес в плане исследования форм проявления социально–экономических конфликтов и способов их урегулирования в сфере организационно–трудовых отношений представляют исторические данные, касающиеся существовавших на территории Армении с X–ого века до конца XIX–ого простейших форм ремесленных и торговых организаций или союзов, называемых «амкарствами» или «эснафствами». Ряд авторов считает феномен «амкарства» характерным явлением для восточного и, в особенности, для армянского общества, возникшим в Средневековье как своеобразный механизм урегулирования отношений (в том числе конфликтных – А. С., Б. А.), внутри ремесленнических отраслей и на рынке сбыта¹⁹.

Амкарства являли собой социальные организации различных размеров, в которые объединялись ремесленники с единой специализацией, а также

торговцы различного масштаба (совдакяры, бинагдары, базы и чарчи), с целью представления и реализации общих экономических, административно-правовых, социальных и иных интересов как на рынке труда и сбыта, так и в обществе в целом. Известно, что амкарства имели своих богов и знамена с изображениями святых²⁰. Число амкарств не ограничивалось: фактически, таковым считалось любое объединение людей со схожим занятием, которое обладало собственным письменным или устным кодексом правил, регулирующим основные принципы как экономической деятельности, так и повседневной жизни его членов. Кодекс амкарства включал описание его структуры, правила взаимоотношений ее членов и их семейств, вопросы организации финансово-производственной деятельности работников, а также некоторые аспекты регулирования семейных и религиозных вопросов.

Структура любого амкарства включала несколько основных звеньев: мастер, подмастерье, постоянные работники и ученики. Во главе амкарства стоял избранный мастер — «устабаши», который принимал основные решения и представлял интересы амкарства. Каждый мастер имел своих помощников «ахсахкалов» (ахсахкалов), которые также обладали достаточной властью. Наиболее ответственным и уважаемым считался пост казначея — «ганзапа», на который назначался чаще всего самый старший, честный и мудрый член амкарства. Примечательно, что уже в Средневековье в составе амкарств выделялась позиция «игитбаши», представляющаяся как архаичная форма современной специальности по связям с общественностью, в функции которого входило распространение информации о событиях и принятых в амкарстве решениях, а также обеспечение обратной связи между членами организации. Больше всего обязательств и меньше всего прав имели ученики, которые не получали жалованье, однако находились под попечительством своих мастеров до тех пор, пока им разрешалось самостоятельно выполнять некоторые заказы. Высшим органом, принимающим важнейшие решения, являлось всеобщее собрание, которое созывалось в исключительных случаях.

Согласно специалистам, занимавшимся исследованием дошедших до наших дней амкарских кодексов, общей и главнейшей идеей любого свода правил подобных объединений (наряду с неразглашением секретов специальности) была идея взаимопомощи. Уже в средние века стало очевидно, что разрозненное существование ремесленников и торговцев, их нерегулируемая деятельность на рынке приводили к ряду трудностей финансового, административного, правового характера, часто оканчиваясь всеобщим банкротством целых отраслей, низкой конкурентоспособностью и иными проблемами. Постепенно осознание общности интересов привело ремесленников к созданию своеобразных объединений по взаимной помощи, которые позволяли им противостоять неконтролируемой конкуренции и давали возможность регулировать экономико-конфликтные процессы и социально-экономические отношения в данной отрасли. Вступая в состав амкарства, каждый ремесленник получал гарантии безопасности, страхуя себя от социальных рисков, получая уверенность в завтрашнем дне в обмен на беспрекословное подчинение правилам группы. По сути дела, идея взаимопомощи представляется как примитивная форма зарождавшегося патернализма, особого замкнутого круга взаимных сотруднических действий, обеспечивающих реализацию общих интересов.

Как было отмечено, духу амкарства претило стремление к монополии: ни один из его членов не мог скрывать от своих сотоварищей знания, доходы, средства производства. Сырье равномерно распределялось между всеми членами организаций, всячески исключалась конкуренция между ремесленниками одной отрасли. В деле взаимопомощи основной являлась роль общей казны амкарства, формирующейся из регулярных выплат мастеров — членов амкарства. Размеры выплат различались в зависимости от ступени, занимаемой членами (чем выше позиция, тем больше взносы), от размеров семьи и прочих социальных характеристик. Каждый новый член амкарства обязан был сделать членский взнос. Казна пополнялась и за счет штрафов, взимавшихся за нарушения предписаний, а также определенных кодексом сумм, на которые организовывались обеды (սիւսնոսրիւոցի) в честь получавших право самостоятельно работать подмастерьев.

Особый интерес представляют механизмы разрешения социально-экономических и иных споров, налаженные и эффективно действовавшие в структуре амкарств. Известно, что «устабаши» и его помощники не только принимали основные решения и выступали от имени амкарства в отношениях с властями, но и выполняли функции «товарищеского» суда. Эта инстанция рассматривала дела, связанные с регулированием возникающих во взаимоотношениях между мастерами и подмастерьями споров, вопросы членства в амкарстве, а также семейные проблемы, споры, связанные с религиозными нарушениями, отношениями соседей и пр. Взаимоотношения между различными амкарствами, а также сложные споры регулировались через некие посреднические инстанции — советы старцев (ծերերի անխումբ), состоявшие из 12 пожилых ремесленников—мастеров разных амкарств²¹. За работу в составе подобных советов мастера получали не только подарки, но и проценты от сделок, освобождались от некоторых выплат в казну. Эти посреднические советы разрешали споры в основном на базе кодекса амкарства, принимая решения, соответствующие духу взаимопомощи и единства амкарских организаций. Известно, что члены амкарств и их семьи предпочитали рассматривать свои проблемы в собственных организациях, избегая официальных судебных инстанций («даруга»), по большей мере именно благодаря авторитету и эффективности работы амкарских посреднических инстанций.

Амкарские цеха продолжали существовать в качестве единственно признанной государством организации ремесленников и нередко пытались регламентировать производство вплоть до конца XIX века. Вместе с тем, в этот период стали появляться небольшие группы наиболее зажиточных мастеров амкарств, которые, прикрываясь ограничениями писаных кодексов, старались монополизировать производство и сбыт тех или иных товаров. Постепенно такие мастера превращались в предпринимателей, в действиях которых все больше проявлялось стремление к единоличной выгоде и игнорирование идеи взаимопомощи.

В начале XIX века западноармянские цеховые организации из социальных общин взаимного сотрудничества стали превращаться в звенья предназначенного для рынка и рассчитанного «не на заказчика», а на покупателя производства, которое базировалось на отношениях наемного труда. Постепенно руководители эснафств в качестве средних и крупных предпринимателей, опираясь на определенные социальные группы, стали требовать права на

управление делами нации и места рядом с единоличными хозяевами положения, с богатыми амирами²².

Рассмотрим формы проявления экономико–конфликтных процессов во второй половине XIX и начале XX века в Восточной Армении, вошедшей в состав Российской империи.

Известно, что многие армяне Персии и Западной Армении получили возможность переселения на территорию Восточной Армении. Появились новые условия для развития экономической, политической и культурной жизни. Транспорт, промышленность и торговля вбирали в себя все больше людей, втягивая Восточную Армению в орбиту мирового товарооборота²³.

Армяне, которые в свое время не просто добровольно вошли в состав Российской империи, но и активно добивались этого в течение более чем 150 лет, а затем с оружием в руках помогали России овладеть Закавказьем, очень охотно шли на русскую государственную службу²⁴. Позднее, с целью предотвращения дальнейшей национальной самоорганизации армян в Закавказье и подавления возможных волнений царским правительством была осуществлена политика по ограничению доступа армян к высоким государственным постам. В то же время социально необеспеченные группы численно возрастали, социальная депривация увеличивалась, приводя многих к осознанию социального неравенства и антагонизма интересов.

Становление относительно стабильной страты интеллигенции привело к возникновению в 1860–70 годах на территории Восточной Армении различных кружков, обществ и союзов национально–демократического направления, которые подготовили почву для создания национальных политических партий. Постепенно экономико–конфликтные процессы стали проявляться не только в контексте национально–освободительного движения, но и в характерных для обозначенного периода процессах становления политических организаций.

В основе программы первой армянской политической партии (партии Арменаканов) лежала идея освобождения и независимости Западной Армении, создания демократического государства. Экономическая платформа партии Арменаканов была достаточно расплывчата. Достижение основной цели – независимости армянского народа, могло быть обеспечено любой ценой. Как отмечалось в программе партии, пути к намеченной цели были различны: вооруженная борьба, использование денег и помощи иностранных держав. Для того чтобы заручиться поддержкой представителей различных слоев общества, арменаканы пытались избегать категорических формулировок относительно основ будущего государства. Они пропагандировали либеральные идеи гражданского равенства и справедливости и выступали за частную собственность и развитие предпринимательства. Разрешение социально–экономических конфликтов они связывали с идеей создания независимой Армении, в которой произойдет единение и развитие нации, а истоки тяжелого социально–экономического положения крестьян и ремесленников видели в пагубности турецкого общественно–политического устройства²⁵. В условиях отсутствия государственности арменаканы считали чрезвычайно рискованным углубление раскола между различными социальными классами внутри армянского общества. Особенно консервативно настроенные партийцы стали критиковать либеральную ориентацию в деятельности партии. В итоге, в 1921 году эта партия была преобразована в партию крупных промышленников и

банкиров «Рамкавар азатакан» (демократической свободы), которая провозгласила в своей программе полный отказ от любой вооруженной борьбы, приносящей армянам лишь новые несчастья, покорность политической власти и концентрацию всех сил на культурно–просветительской работе.

Представители партии «Гнчак» (Колокол) всячески критиковали капиталистический строй, высвечивали проблемы социального неравенства, подчеркивали необходимость коренных преобразований. В то же время конечная цель, выдвигаемая партией, вновь формулировалась, как создание независимого армянского государства с социалистической организацией. В качестве основного средства достижения цели гнчакцы выдвигали не столько революционное противостояние эксплуатируемых эксплуататорам внутри армянского общества, сколько в единении нации и вооруженной борьбе против турецкого ига²⁶. Социализм и идеи марксизма для гнчакцев были делом далекого будущего. Явно проявлявшиеся социально–экономические противоречия они предлагали разрешить после победы национально–освободительной борьбы армянского народа. Именно поэтому историки советской эпохи называли гнчакскую партию мелкобуржуазной националистической организацией.

Программа Армянской Революционной Федерации («Дашнакцутюн») смыкалась с программой социалистов–революционеров (эсеров), однако как и в случае с арменаканами и гнчакцами была разработана с акцентом на национальный фактор. Согласно архивным данным, по своему социальному составу в 1907 году партия состояла из 165 тысяч членов, из коих около 23 тысяч были рабочие. Оставшуюся часть составляло крестьянство, мелкая городская буржуазия, городская и провинциальная интеллигенция²⁷. Партия была достаточно сильна и хорошо организована. В программу партии был включен ряд пунктов, предлагающих некоторые механизмы разрешения социально–экономических разногласий и сглаживания социального неравенства, основанных на идее взаимопомощи. Однозначно утверждалось, что национальные интересы армянского народа должны стоять выше экономических интересов его отдельных слоев. Призыв к борьбе распространялся на все сегменты общества, каждый из которых мог внести свою лепту в дело достижения единой цели – освобождения армянского народа. Дашнаки также утверждали, что явные различия между нищенствующим крестьянством и богачами–«вашхару» предопределены чуждым армянскому народу социально–политическим устройством как Османской Турции, так и Царской России. Следовательно, создание независимого государства само по себе стало бы разрешением эскалирующих экономико–конфликтных процессов. В этом смысле примечательно, что партия предлагала бойкотировать правительственные учреждения, в том числе сельские и уездные суды, создавая так называемые общественные суды. Дашнаки считали, что решать споры внутри армянских общин возможно, только основываясь на сотрудинческих механизмах, функционировавших в Армении на протяжении долгих десятилетий. Обращение в правительственные учреждения лишь усугубляло, по мнению дашнаков, возникавшие разногласия, претило духу национального единения и приводило к пагубному для немногочисленного народа расколу между представителями различных слоев населения. Известно, что организованные партией «Дашнакцутюн» общественные суды в короткое время приобрели такой авторитет, что к ним стали обращаться также и мусульмане, живущие по соседству²⁸. Последний

факт указывает на эффективность неформальных проблеморешающих способов урегулирования конфликтов в армянском обществе.

Таким образом, предопределенные осознаваемыми межклассовыми различиями экономико–конфликтные процессы в Восточной Армении досоветского периода воспринимались представителями общественно–политических течений (клерикально–феодалное, либерально–буржуазное и революционно–демократическое) как дисфункциональные с точки зрения поддержания социальной интеграции и равновесия в армянском обществе, способными привести к полному расколу и уничтожению нации. Однако игнорировать значимость социально–экономических противоречий было невозможно, а различие экономических интересов постепенно вклинилось в структуру социального действия политических партий. Отсутствие возможностей разработки и внедрения комплекса мероприятий по урегулированию экономико–конфликтных процессов приводило к неизбежному проявлению последних в форме политических разногласий как между представителями различных общественно–политических движений, так и внутри партий. Дальнейшая эскалация социально–экономических конфликтов, в комплексе с рядом сложных сопутствующих детерминант (международная политика, распространение коммунистических идей и пр.), привели к перерастанию экономического противостояния в форму открытой революционной классовой борьбы, которая привела к уничтожению образованной после мировой войны Первой Армянской Республики в начале XX века²⁹.

Особенности социально–экономического устройства, образа жизни, ценностно–нормативной системы и иных аспектов функционирования армянского общества советского периода соответствовали закономерностям общества советского типа³⁰. В этом смысле анализ форм проявлений экономико–конфликтных процессов в Армении в советский период следует проводить в контексте подходов и теорий, касающихся советского общества в целом.

Становление советской власти — начало 20–х годов XX столетия — вызвало к жизни самые разнообразные и неожиданные противоречия в экономической, политической, социальной и духовной сферах общества. Вместе с тем, с начала 1930–х годов в Армении уже не возникало крупных социальных конфликтов, направленных против советской системы и выраженных в активно проявляемых формах социального противостояния. В этом смысле весьма типичной являлась проблема социально–трудовых конфликтов. В первые годы советской власти она оставалась актуальной, и на официальном уровне сохранялись некоторые посреднические институты примирения и согласования позиций участников конфликтов — такие, как расценочно–конфликтные комиссии (РКК), третейские суды, конфликтный отдел Наркомата труда, трудовые сессии народных судов. Согласно предписанию, именно на них было возложено «рассмотрение споров и конфликтов, возникающих между администрацией и рабочими или служащими предприятий»³¹.

Однако, бесконфликтная парадигма развития социалистического общества не допускала существования каких бы то ни было экономико–конфликтных процессов в советском государстве. С 1933 года был предпринят ряд практических мероприятий по «упразднению» социально–трудовых конфликтов и структур по их урегулированию. Был закрыт Наркомат труда, из Устава профсоюзов было устранено положение о праве работающих на забастовки,

---

прекратился учет трудовых конфликтов. После упразднения Народного комиссариата труда СССР в 1933 году все его функции — социальное страхование трудящихся, охрана труда и т.д. — были переданы в ведение Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов. В том же году прекратили свое функционирование примирительные комитеты и третейские суды по рассмотрению трудовых конфликтов и споров.

Таким образом, факт существования социально-трудовых конфликтов в советском обществе был полностью опровергнут. В поле зрения отечественных ученых и государственного аппарата попадали лишь внутриорганизационные и межличностные конфликты на предприятиях, которые рассматривались как факторы повышения или снижения эффективности производства. Коренные причины происходящих конфликтов усматривались не в социально-экономических предпосылках, а в индивидуальных различиях людей³².

В СССР в результате ликвидации частной собственности на средства производства и огосударствления основных социальных институтов удавалось не допускать укрепления социально значимых добровольных негосударственных общественных, хозяйственных и политических организаций, способных открыто защищать интересы своих членов. При этом в армянском обществе, как обществе советского типа, представители власти действовали не только с точки зрения сугубо экономических интересов, но и в целях воспроизводства собственных властных позиций³³.

Тем не менее в таких условиях существовали некоторые формы скрытого, подавляемого или сдерживаемого противостояния на векторе управляемые — управляемые. Эти латентные экономико-конфликтные отношения особенно явственно высвечиваются при анализе взаимоотношений между партийно-государственной номенклатурой и «народом», с одной стороны, и между центром и периферией (в том числе союзными республиками) — с другой.

При этом надо отметить, что формы проявлений скрытых экономических конфликтов как в СССР в целом, так и в Советской Армении, не оставались неизменными в течение семи десятилетий. Можно выделить, по крайней мере, два крупных этапа социально-экономического развития советского общества, водоразделом между которыми послужила начавшаяся в середине 1950-х годов «хрущевская оттепель». Первый этап принято называть казарменным социализмом, а второй — патерналистским социализмом. Соответственно, для казарменного этапа, характеризующегося большой централизацией властных полномочий в центре, более жесткой административной иерархией, ограниченностью самостоятельности отдельных политических, хозяйственных, культурных корпораций, доминирующей формой экономико-конфликтных процессов являлись пассивные диссидентские движения, нещадно подавляемые массовой репрессивной машиной. «Бесконфликтность» в верхних слоях общества обеспечивалась за счет частых ротаций, периодических чисток кадров, а низшие слои удерживались в подчинении угрозой карательных мер.

Наибольший интерес представляет доминирующая на патерналистском этапе функционирования советского общества форма латентных экономико-конфликтных процессов, характеризующаяся общим размягчением иерархических порядков, переходом от прямого принуждения к социальному обмену. Каркас «вертикальных» обменных связей между вышестоящими и нижестоя-

---

щими звеньями иерархий скреплялся «горизонтальными» связями, как между центром и республиками, так и между корпорациями и отдельными работниками того же уровня. Основным механизмом своеобразного социального обмена являлся сам советский патернализм, реализующийся в процессе административного торга, который, в отличие от обычных рыночных отношений, вовлекает в себя ценности и институты, появление которых в виде товара на «капиталистическом» рынке чаще всего исключено.

Следует отметить, что плановая экономика в принципе не могла объективно отражать потребности предприятий в тех или иных ресурсах. Постоянные ошибки в расчете ресурсов (а это, по мнению Я. Корнаи, абсолютно неизбежно) приводили к недовыпуску товаров в каких-то отраслях—дефициту, а дефицит в этих отраслях порождал дефицит в других отраслях, которые при производстве своей продукции использовали продукцию первых. Таким образом, цепная реакция превращала всю плановую экономику в дефицитную. В своей модели Корнаи, описывая процесс приспособления производителей и потребителей к дефициту, вводит такое понятие, как «трение» (оно по сути дела является конфликтным процессом), которое, по его словам, возникает вследствие плохой информированности хозяйствующих субъектов о взаимных намерениях, когда сложно спрогнозировать, какие решения будут ими приняты, а также вследствие запаздывания субъектов с ответной реакцией на эти решения³⁴.

Как естественное следствие дефицита, потребители начинали искать различные возможности для того, чтобы удовлетворить свои потребности.

По мнению Е. Старикова, обосновывающего социальную дифференциацию в социалистическом обществе различием позиций по отношению к распределительной системе, и по сути дела, обозначающим потенциальные стороны латентных экономико—конфликтных процессов советского периода: «Редистрибуция служит структурообразующим основанием социальной дифференциации, рассекая общество на две большие функциональные части: а) рядовые производители, создающие прибавочный продукт; б) распорядители, изымающие и включающие его в редистрибутивную сеть»³⁵.

Т. Заславская и Р. Рывкина выделяют пять основных компонентов, раскрывающих причины экономико—конфликтных отношений в советском обществе: 1) изъятие всего прибавочного или части необходимого продукта через неравномерно низкие цены на производственную продукцию; 2) глубокое расхождение меры труда и меры потребления различных групп работников общественного производства 3) необоснованная неравномерность территориального и ведомственного распределения элементов социально—бытовой инфраструктуры; 4) присвоение дифференцированной ренты жителями южных районов; 5) теневая экономика, мафиозные группы³⁶.

Следовательно, обозначенные вектора действий в латентных конфликтных отношениях отражаются в соотношении структурных элементов, предложенных Т. Заславской в ее дальнейших публикациях, которые дают возможность отметить основные стороны экономико—конфликтных процессов в советский период и в Армении: а) социально—замкнутый и лично интегрированный правящий класс — «номенклатура»; б) средний класс, включающий директорский корпус и наиболее близких к номенклатуре интеллигентов; в) слабо стратифицированный низший класс рабочих и колхозников; г) социальное дно, потенциально криминогенные группы³⁷.

Суть механизма советского патернализма, как основы административного торга, заключалась в том, что наделенные властью вынуждены были вступать в договорные отношения со своими подчиненными, на основе чего развивалась система неформальных отношений и взаимных обязательств. При этом сопротивление управляемых слоев носило пассивный и неорганизованный характер и крайне редко переходило в стадию открытого конфликта именно благодаря возможности сторговаться и договориться. Гораздо чаще использовались такие формы пассивного противодействия, как низкая производительность труда, растрата ресурсов, приворовывание материалов и готовой продукции и пр. Правящие слои обязаны были гарантировать исполнителям минимум средств существования, независимый от трудового вклада.

«Торговаться» за план, фонды, штаты, зарплату и пр. было принято на всех уровнях экономической иерархии: отраслевые министерства торговались с Советом Министров и ЦК; предприятия вели переговоры с министерствами и местными партийными комитетами; рабочие входили в неофициальные сделки с начальством и т.д. При этом руководители приоритетных с точки зрения интересов государства предприятий, имеющие связи «наверху», могли получать больше дефицитных ресурсов, занижать планы, обеспечивать своим работникам внушительный набор льгот³⁸.

В процессе торговли за ресурсы создавались скрытые лоббирующие группировки, отстаивающие свои реальные групповые интересы. В этом смысле специфичным для армянского общества советского типа было, если пользоваться термином Дж. Коулмена, влияние корпоративной системы³⁹. Индивиды в основном действовали в интересах корпораций, а личный престиж каждого в значительной мере определялся статусом его корпорации. Согласно В. Радаеву и О. Шкартану, в советском обществе выстраивались четыре основных типа корпоративных иерархий, в которых высшие по рангу институты выступали в качестве монопольных распорядителей ресурсов: партийные органы (Политбюро ЦК КПСС, обкомы, горкомы, райкомы); административно-хозяйственные органы (правительства, министерства, госкомитеты и пр.); Советы народных депутатов и их исполкомы; общественные организации (профсоюзы, комсомол, творческие союзы и пр.)⁴⁰. Они и выступали основными агентами торгов и потенциальными сторонами конфликтных отношений. Эти группы мобилизовывались, чтобы оказывать давление на административные и партийные органы. Любое крупное предприятие имело в отраслевом министерстве и Госнабе «своих людей», которые могли предоставить полезную информацию и поддержать предприятие в переговорах. Во всяком городе были группировки, образованные представителями горкома, горисполкома и крупных предприятий, проводящими свою линию. А внутри каждого предприятия управляющие старались заключить союз с частью работников, чтобы обеспечить поддержку своих требований⁴¹.

При этом, патернализм в отношениях между рабочими и начальством на советских предприятиях характеризовался их взаимозависимостью. Руководство примерно в такой же мере зависело от рабочих, как и последние от него. Это объяснялось нехваткой рабочей силы, высоким уровнем текучести кадров, «сильными» позициями рабочих в профсоюзах и, прежде всего, в коммунистической партии. В ответ на чрезмерное «давление» и несправедливые, по мнению рабочего, указания со стороны начальства возможно было

применение различных тактик: шантажа увольнением (особенно со стороны наиболее квалифицированных и владеющих специфическими навыками работников), обращения в комиссию по трудовым спорам, партком и др.

Таким образом, через неформальные сделки осуществлялся систематический натуральный обмен находящимися в дефиците материальными ресурсами, информацией, продукцией и услугами⁴². В итоге особенностью экономико–конфликтных процессов этого периода стала регулярная самотрансформация конфликтных отношений в сотрудничество, и, наоборот, как результат асимметричного социального обмена, основанного на различиях в персональных и корпоративных рангах, из которых вытекали различия в привилегиях и присваиваемых благах.

При этом торг не всегда заканчивался согласием сторон и перерастал в конфликты между статусами (между рабочими по поводу «выгодной» работы, между отраслевыми начальниками по поводу территориальной дани, между партийными начальниками за место в социалистическом соревновании и т.д.). Если основываться на описанной выше системе отношений управления, то суть конфликтов состояла в противоречии между фрагментарным статусом каждой конфликтующей единицы (человека, бригады, предприятия и т.д.) и целостной их ролью при решении производственных, административных и политических задач. Включенность в иерархии административного рынка не всегда давала возможность решать проблемы обеспечения территорий, снабжения предприятий сырьем, получения и распределения продуктов питания и товаров народного потребления и многое другое. Однако решение такого рода задач было повседневной необходимостью как для руководителей на всех уровнях организации административного рынка, так и для каждого советского человека в отдельности.

Неудачные торги не только приводили к конфликтам, но и порождали стремление к автономизации от административного рынка в целом, создание запасов собственных ресурсов для торгов с другими субъектами административного рынка.

Среди многообразия возможных конфликтов следует выделить те из них, которые были встроены в саму иерархию управления и конституировали ее, то есть внутри–уровневые конфликты между работниками, бригадами, участками, цехами или отдельными предприятиями при распределении ресурсов.

Методы решения таких конфликтов, выработанные за годы Советской власти, основывались на следующей логике: информация о конфликте между подразделениями одного уровня управления (например, между производственными участками), представлялась начальниками производственных подразделений руководителям вышестоящего уровня управления. В зависимости от причины конфликта, были возможны три пути его решения – оперативный, плановой, административный.

Оперативное решение одноуровневых конфликтов, осуществлявшееся непосредственно первыми руководителями или коллегиальными органами управления (такими как коллегия, парткомитет и т.п.), заключалось в наказании персонально виновных и перераспределении ресурсов. После этого конфликт считался исчерпанным.

Плановое решение было связано с перераспределением фондов и ресурсов вышестоящим уровнем управления. При этом, чем выше был уровень

принятия решений, тем больше был разрыв между началом конфликта и его разрешением.

В том же случае, если ни оперативное, ни плановое решение не были эффективными, применялся третий вариант – административное решение о создании нового уровня управления, в котором прекращали существование отношения, послужившие причиной конфликта (например, создание нового главка, управления, цеха и т.п.), или происходила ликвидация уровня структурной организации подразделения или предприятия, а иногда и самого предприятия как первоисточника конфликта.

Межуровневые конфликты между подразделениями производственной иерархии разной принадлежности (между главком и предприятием, между предприятием и его структурным подразделением) считались антисистемными, и все инструменты власти немедленно использовались для того, чтобы эти конфликты ликвидировать вместе с теми структурами, в которых они зародились.

Как результат административного торга и подавления экономико–конфликтных процессов, собственность государства постепенно переходила в руки отраслевых и региональных корпораций, ширились и множились сети неформальных обменных связей. Торговля за ресурсы принимала более открытый характер. Расцвели «серые» и «черные» рынки, через которые перекачивалась возрастающая часть государственных ресурсов. Постепенно обменные процессы вышли из–под контроля, став самоуправляемыми и самодостаточными, что, в конечном счете, привело общество к «перестройке», к необходимости более глубоких преобразований, которые должны были затронуть базовые конструкции сложившейся экономической и политической системы.

Период «перестройки» последовательно разрушил механизмы административного регулирования и торга и запустил стихийные механизмы саморегулирования социально–экономических отношений. Кроме того, политика перестройки ослабила механизмы подавления конфликтов между подразделениями разной уровневой принадлежности, значительно ослабив механизмы подавления одноуровневых конфликтов, традиционных для административного рынка. Не имея стимулов перестройки производства, хозяйствующие субъекты стали использовать экономическую самостоятельность только в интересах увеличения своих сиюминутных доходов. Советские предприятия, накопившие сверхнормативные запасы ценного сырья, использовали кооперативные структуры, чтобы экспортировать сырье и импортировать дефицитные потребительские товары. Различие структур мировых и внутренних цен обеспечивало огромные прибыли. Так зарождались «дикие» экспорт и импорт, распадались прежние связи, развивались бартер и черный рынок, открылись немыслимые ранее возможности «обналичивания» безналичных денег.

Использование наличных рублей в расчетах между предприятиями и обращение долларов на потребительском рынке усложнили контроль государством (в лице Госбанка СССР) за этим процессом, способствуя новой форме проявления социально–экономических конфликтных процессов в политической сфере. Углубились появившиеся разночтения между партийными функционерами, некоторыми руководителями правительства, официальными финансистами, развернулось открытое противостояние с целью ограничить или поставить под контроль доходы кооператоров. Противоречия по поводу экономического видения и конкретных механизмов реформирования советс-

кого общества привели к обострению противостояния внутри политической элиты и к попытке путча в августе 1991 года. Необходимость социально–экономических и политических трансформаций в армянском обществе приобрела ярко выраженный характер, будучи одновременно сопряженной с обострением Карабахского конфликта и началом демократических преобразований политической системы в самой Армении. Таким образом, в период перестройки скрытые противоречия и экономико–конфликтные процессы начали выразительно вырисовываться, а механизм советского патернализма, подвергшись ломке, трансформировался в качественно новый механизм с элементами постсоветского патернализма.

1. Միրումյան Կ., Հայ ազգային մտքի ուսումնասիրության երկվետային մեթոդաբանական հավաստյունների մասին // Հայ փիլիսոփայության պատմության մեթոդաբանական հարցեր. Հայ ինստիտուտի հոգևոր մշակույթի համակարգում: Պրակ 2: Եր., 1995, էջ 29–32:
2. Аствацатуров С., Баблоян А., Типология форм проявления социально–экономических конфликтов в современной Армении: теория и реальность // ԵՊՀ սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի տարեգիրք 2008: Եր., 2009: հ. 97–115:
3. Турецкая версия (работы историков *Имкета Баюра, Шемсидин–Гюналтая, Эсат Ураса* и др.) трактовки исторических событий той эпохи, отмечающая, что «приезжие анатолийские армяне» всегда жили на территории Турции свободно, не подвергались каким–либо притеснениям и, более того, обладали часто большими экономическими ресурсами, нежели местные жители (Արևելագիտական ժողովածու, Եր., 1960, № 1), в рамки исследовательского подхода не легла.
4. Ղազարյան Հ., Արևմտահայերի սոցիալ–տնտեսական և քաղաքական կացությունը 1800–1870 թթ., Եր., 1967, էջ 8:
5. Необходимо отметить, что в некоторых случаях, исходя из собственных интересов, турецкие правители использовали интеллектуальные и экономические возможности армянских специалистов и предпринимателей. Известны фамилии армян, занимавших высокие руководящие должности при турецких султанах. Среди них, например, Арутюн Безчян (торговый поставщик турецкого двора), семья Балянов (главные архитекторы при турецком султানে), Дюзяны (купцы амира) и пр. Однако, ни одной из обозначенных фамилий не удалось потомственно сохранить свой политический и экономический статус на протяжении длительного времени.
6. Розен Д., История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. Часть первая. СПб., 1872. С. 7–20.
7. Ղազարյան Հ., Արևմտահայերի սոցիալ–տնտեսական և քաղաքական կացությունը 1800–1870 թթ., էջ 78–99:
8. Известно, что Османское правительство делало слабые попытки для выгодного использования свободного капитала, поскольку турки мало интересовались подобной деятельностью. Так, в составе, созданного правительством в 1853 году в Стамбуле общества банкиров, трое являлись иностранными подданными, остальные восемь были армянами, а один – греком. Армянский амирайский капитал тесно переплетался с торговым капиталом. Число армянских крупных купцов только в Константинополе доходило до 80–100. Одной из сторон специфического применения амирайского капитала в Турции являлось субсидирование наличным золотом лиц, стремившихся достичь высокого положения путем покупки доходной должности. Состояние самого богатого армянского сарафа насчитывало миллион английских стерлингов (Гукасян В. Константинопольские армяне и национально–просветительское движение 30–60–х годов XIX века. Ер., 1989. С. 39–42).

-
9. Ղազարյան Հ., Արևմտահայերի սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական կացությունը 1800–1870 թթ., էջ 42–44:
10. Մշակ 1889, № 100:
11. Так, Арцруни отмечал, что в качестве основных субъектов, подавляющих национально-освободительную борьбу армянского народа, можно выделить армянских купцов-ростовщиков, высших чиновников-эфенди, обладающих явно протурецкой ориентацией и готовых достичь собственного благосостояния за счет своих соотечественников. Арцруни пишет: «Крупная армянская буржуазия всячески пыталась адаптироваться к существующим порядкам, отвергать революционные настроения в народе, взамен получая мизерные уступки от султана (Մշակ 1878, № 113) ... Армянские эмиры, эфенди и духовники знают, что пока существует турецкое государство, нет необходимости ни в образовании, ни в национальности, ни в профессионализме, ни в гражданских качествах: нужны лишь деньги, благодаря которым можно добиться всего в таком слабом государстве. А деньги они могут нажить и за счет армянских провинциалов» (Там же).
12. Лукасян В. Константинопольские армяне и национально-просветительское движение 30–60-х годов XIX века. Ер., 1989. С. 5.
13. Там же: С. 44.
14. Там же: С. 6.
15. Там же: С. 65–66.
16. Там же: С. 216.
17. Такой способ управления в Турции вызывал удивление у многих европейцев, посетивших в эту эпоху турецкие провинции. Так, В. Ланглуа охарактеризовал Зейтунскую форму правления как республиканскую, Э. Реклю называет ее армянской федерацией 6–ти маленьких общин (Մասեաց աղանի 1856, № 6; Ռեկլյու Է., Լազիստան, Հայաստան և Քուրդիստան, Վաղարշապատ. Ս. Էջմիածին, 1893, էջ 95).
18. Գլըխիան Լ., Ժամանակակից ընդարձակ բնական պատմություն հայոց, Ա հատոր, Մարտի, 1934, էջ 181–182:
19. Մանանդյան Հ., Հայաստանի քաղաքները 10–11-րդ դարերում, Եր. ՀՍՍՀ ԳԱ, 1981: *Առաքելյան Բ., Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում IX–XIII դդ., Եր., 1964, էջ 174:*
20. Հայ ժողովրդի պատմություն, Հատոր V, Եր., 1974, էջ 37–41:
21. *Առաքելյան Բ., Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում IX–XIII դդ., էջ 184:*
22. Лукасян В. Константинопольские армяне и национально-просветительское движение 30–60-х годов XIX века. С. 35.
23. Исторически сложилось так, что деятельность большей части армянского предпринимательства протекала в торгово-промышленных центрах Закавказья – Тбилиси, Баку и Батуми. Статистика свидетельствует, что в конце века 62 % предприятий торговли и промышленности Тбилиси принадлежали армянскому капиталу, его доля в обороте составляла 73 процента. При этом 66 процентов акционерных банков Тбилиси также принадлежали армянскому капиталу. В бакинской нефтяной промышленности с момента ее основания доминировал армянский капитал – из 295 нефтяных скважин Баку в 1879 году армянам принадлежали 155 (Сборник статистических сведений по Закавказскому краю / под ред. Кондратенко Е. Часть 1. Тифлис, 1902). Армянские меценаты основывали в Закавказье и за его пределами школы, типографии, благотворительные общества и больницы.
24. Как отмечает в своих отчетах генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, армяне составляли главную часть служащих на Кавказе чиновников, начальников железнодорожных станций, конторщиков, писцов, вообще интеллигентов; среди них было значительное число кавказских адвокатов и докторов. Кроме того, армяне находились в кавказской администрации и войсках и имели большое влияние. Иногда они появлялись в должностях губернаторов, управляющих государственным имуществом, офицеров, полковников и генералов (Всеподданнейший отчет за 8 лет управления Кавказом Генерал-адъютанта гр. Воронцова-Дашков. СПб., 1913).

-
25. Պիրիսիյան Վ., Հարությունյան Շ., Հայ ժողովրդի պատմություն, Եր., 1979, էջ 251–254:
  26. Հայ ժողովրդի պատմություն, Հատոր VI, Եր., 1981, էջ 191–194:
  27. Армянская революционная Дашнакцутюн: Программа партии. Баку, 1907.
  28. Дживелегов А. Армяне в России. М., 1906. С. 29–30.
  29. Не умаляя важной роли Первой Армянской Республики в становлении современной национальной государственности, ввиду ее краткосрочности этот период в статье не рассматривается.
  30. Демирчян К. Советская Армения. М., 1982. *Ղարհրջյան Գ., Բնակչության կենսամակարդակը և նրա բարձրացումը Սովետական Հայաստանում*, Եր., 1972:
  31. Жаров С. Как разрешаются конфликты батраков и нанимателей: Краткое руководство по разрешению трудовых конфликтов в примирительных комиссиях. Самара, 1925. С. 45.
  32. Прошанов С. Социально–трудовые конфликты и их изучение в отечественной конфликтологии (исторический аспект) // Индустриальное наследие, материалы научной конференции. Саранск, 2005. С. 414–415.
  33. Радаев В., Шкартан О. Социальная стратификация. М., 1996. С. 269–270.
  34. Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.
  35. Стариков Е. Новые элементы социальной структуры // Коммунист, № 5, 1990. С. 31.
  36. Заславская Т., Рывкина Р. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, 1991.
  37. Заславская Т. Трансформация российского общества как предмет мониторинга// Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. № 2, 1993. С. 3–4.
  38. См.: Корнаи Я. Указ. работа.
  39. Coleman J. Power and the Structure of Society. N.Y.: Norton, 1974, p. 27–37.
  40. Радаев В., Шкартан О. Социальная стратификация. С. 274.
  41. Через систему корпоративной принадлежности открывался доступ к торгу по поводу базовых форм вознаграждений или привилегии и таких сопутствующих льгот, как зарубежные командировки, путевки в санатории, доступ к ведомственным больницам и детским садам, столовым и библиотекам, ведомственным магазинам и хорошему жилью. Проявляя свою лояльность по отношению к существующему порядку вещей, можно было оказаться первым в очереди при распределении дефицитных благ.
  42. Радаев В., Шкартан О. Социальная стратификация. С. 281–282.